

doi: 10.17238/227-6465.2016.1.151

ФЕДУЛЕНКОВА Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

О НОВЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Рецензия на книгу О.И. Воробьёвой «Язык политики конца XX – XXI вв. в России. Политическая лингвистика»: моногр. Lambert Academic Publishing, 2011.

Политическая лингвистика – это активно развивающееся направление лингвистики, которое занимается изучением и использованием ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием. Автором монографии «Язык политики конца XX – XXI вв. в России. Политическая лингвистика», выпущенной в Германии, учтены известные в науке подходы к данной проблеме и разработана оригинальная лексикографическая характеристика политической лексики, показаны ее временные и идеологические особенности. Анализируя политический дискурс, автор уделяет внимание лексемам с политическим компонентом значения, их поведению в речевом акте, в тексте определенной идеологической направленности. Именно такой когнитивно-коммуникативный подход выявляет своеобразие функционирования политической лексики.

Ключевые слова: политическая лингвистика, политическая лексика, когнитивистика, когнитология, когнитивно-коммуникативный подход, прагматика, аксиосфера, идеологема, лексикография.

В современном мире возрастает значимость интеграции гуманитарных наук, результатом которой является возникновение междисциплинарных дисциплин. Политическая лингвистика, нацеленная на изучение языковых особенностей политического дискурса, из этого ряда. Ее интегративный характер способствует более глубокому изучению политической коммуникации, вербально репрезентированной в политической, философской, исторической, судопроизводственной и других сферах деятельности. Для гуманитарных наук результаты исследований в области политической лингвистики имеют не-

оспоримое теоретическое и прикладное значение, поскольку от правильной интерпретации реалий политической жизни страны, разных аспектов политического дискурса зависит решение целого ряда социальных проблем.

Следует отметить, что в России интерес лингвистической мысли к политической коммуникации возникает в конце XX века, но уже начало XXI века отмечено исследовательским бумом в этой области знания (работы А.Н. Баранова, Е.Г. Казакевича, Л.М. Майдановой, Е.И. Шейгал, А.П. Чудинова и др.). Активно изучается как сам политический дискурс, так и вопросы,

связанные с его структурно-функциональными, семантическими, коммуникативными, жанрово-стилистическими, культурологическими характеристиками: механизмы порождения и функционирования политических текстов, средства языкового кода политической коммуникации, структурно-семантические, стилистические особенности политической лексики, политические метафоры как способ осмысления мира политики, риторические стратегии и тактики, используемые в политической деятельности, речевое поведение, речевой портрет отдельных политических лидеров, национальная специфика русских политических текстов в сопоставлении с зарубежными и др.

В рецензируемой монографии О.И. Воробьёвой «Язык политики конца XX – XXI вв. в России. Политическая лингвистика» нашли отражение многие известные в науке подходы к изучению политической коммуникации, однако ведущим стал когнитивно-коммуникативный подход. Именно он позволил автору не только выявить и описать временные и идеологические особенности функционирования политической лексики, но и раскрыть ее коммуникативную и концептуальную сущность. Демократические преобразования в России и вызванные ими изменения в политической системе, праве, экономике, общественной жизни, внешней политике – все это активизировало такие явления в общественно-политической лексике, как архаизация, историзация, реактивация, неологизация, заимствования, интернационализация.

В монографии О.И. Воробьёвой содержится много ценных наблюдений над функционированием в современном языке политических номинаций, давно вошедших в обиход, но тем не менее сохраняющих способность сильного воздействия на культуру, массовое и индивидуальное сознание. Так, например, слово «демо-

кратия» всегда ассоциировалось со свободой и властью народа. Однако в словарях русского языка это слово толкуется по-разному. Так, в словаре В.И. Даля *демократия* определяется как «народодержавие, народовластие, мироправство; противоположное самодержавие, единодержавие, или аристократия, боярщина»¹. Иное противопоставление представлено в дефинициях данной леммы в словарях советского периода: *советская, социалистическая демократия – буржуазная демократия*². Современное толкование этого политического термина: «Политический строй, основанный на признании принципов народовластия, свободы и равноправия граждан. Принципы, идеалы демократии. 2. Принцип организации коллективной деятельности, при котором обеспечивается активное и равноправное участие в ней всех членов коллектива»³. Демократизация общественной жизни и системы управления – процесс достаточно сложный и противоречивый, что подтверждается исследованием политических текстов.

О.И. Воробьёва обращает внимание на факты реактивации историзмов в период перестройки политической и языковой системы, в частности на изменения номинаций органов местного самоуправления. Самостоятельность этих органов была закреплена Конституцией РФ, что стало причиной возвращения в активное употребление их дореволюционных номинаций. В этой связи представляет интерес история слова «губернатор». Впервые (в 1694 году) губернатором был назван архангельский воевода. После Февральской революции губернаторская должность была упразднена. Б.Е. Немцов, будучи главой администрации Нижегородской области, в 90-е годы XX века назвал себя губернатором, и вскоре эта номинация получает широкое распространение как обозначение руководителя края, области и автономных округов и входит в законодательную практику.

¹Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современное написание. М., 2009. С. 524.

²Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1973. С. 147.

³Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2004. С. 169.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Нельзя не согласиться с замечанием О.И. Воробьёвой, что в справочной литературе термины «глава администрации» и «губернатор» неоправданно отождествляются. Смешение политической терминологии, наблюдаемое в текстах государственных документов, обусловлено экстралингвистическими причинами, что совершенно недопустимо с точки зрения языковой нормы. Не менее интересной является воссозданная автором монографии история употребления слова «коммуна» (от лат. *communis* – «общий»), отмеченного идеологической коннотацией. Эта лексема получила широкое распространение во многих европейских языках. В Западной Европе в средние века она обозначала городскую общину, добившуюся от феодалов права независимости и самоуправления. Во Франции в период Великой Французской революции 1789 года – муниципальное самоуправление. В нашей стране после Октябрьской революции некоторое время слово «коммуна» использовалось для названия органов местного самоуправления, но уже в 20–30-е годы коммуны были преобразованы в колхозы.

Лексема «коммуна» функционировала в русском языке в трех основных значениях: 1) коллектив лиц, объединенный для совместной жизни на началах общественного имущества и труда; 2) летнее поселение, палаточный лагерь; 3) коммунистическое общество, общественный строй, основанный на коммунистических началах⁴. Следует заметить, что большая идеологическая нагрузка данной лексемы пока

препятствует ее возвращению в активный словарь русского языка. Однако в современных европейских языках, например норвежском, слова *губернатор*, *губерния*, *коммуна* продолжают употребляться в качестве номинаций местных и региональных органов власти. Так, в Уставе Норвежской ассоциации местных и региональных властей представлена следующая информация: «По состоянию на январь 1998 г. Норвегия была разделена на 19 губерний и 435 коммун, включая коммуну Осло, которая одновременно является и губернией. Как у губерний, так и у коммун есть свои выборные органы – советы. Губернии состоят из входящих в них коммун, и таким образом любая территория юридически и административно является частью как губернии, так и коммуны»⁵.

По наблюдениям О.И. Воробьёвой, в политическом дискурсе редко встречаются тексты собственно информативного или собственно эмоционально-экспрессивного содержания. Высказывания идейных противников характеризуются остротой суждений, что может быть связано как с речевой стратегией дискредитации оппонента, так и со стратегией аннигиляции (вербального «уничтожения» противника). Политические споры, имеющие целью не столько поиск истины, сколько воздействие на слушателей, часто становятся конфликтными диалогами. Как указывает автор монографии, такие диалоги представляют семиотическую категорию «свой круг», одну из базовых когнитивных категорий в политическом дискурсе.

⁴Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь. Язык совдепии. М., 1998. С. 225–226.

⁵Устав Норвежской ассоциации местных и региональных властей. Осло, 1978. С. 2.

doi: 10.17238/227-6465.2016.1.151

Fedulenkova Tatyana Nikolaevna

Institute for Humanities, Vladimir State University
корп. 1, 87 Gor'kogo St., Vladimir, 600000, Russian Federation;
e-mail: fedulenkova@list.ru

ON THE NEW PATTERNS OF POLITICAL VOCABULARY FUNCTIONING

A Review of the monograph by O.I. Vorobyova *The Language of Politics in the Late 20th and 21st Centuries in Russia. Political Linguistics. Lambert Academic Publishing, 2011.*

Political linguistics is an actively developing branch of linguistics that deals with the study and use of language resources in the race for political power and manipulation of public consciousness. The author of this monograph, published in Germany, took into account the existing approaches to this problem and developed an original lexicographical description of political vocabulary, showing its temporal and ideological characteristics. When analysing political discourse, the author paid attention to lexemes with the political component of meaning, their behaviour in a speech act and in a text of a certain ideological orientation. It is exactly this cognitive and communicative approach that brings forward the unique functioning of political vocabulary.

Keywords: *political linguistics, political vocabulary, cognitive science, cognitive and communicative approach, pragmatics, axiosphere, ideologeme, lexicography.*

Контактная информация:

адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, корп. 1;
e-mail: fedulenkova@list.ru

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Баева Л.В., доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, декан факультета социальных коммуникаций Астраханского государственного университета;

Голдин В.И., доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Дрегало А.А., доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Высшей школы экономики и управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Егоров А.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного института Череповецкого государственного университета;

Зашихин А.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Марьянчик В.А., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Николаев Н.И., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории литературы гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске;

Нифанова Т.С., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой германской филологии гуманитарного института филиала САФУ в г. Северодвинске;

Окунев Ю.П., доктор культурологии, профессор кафедры государственного и муниципального управления Высшей школы экономики и управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Репневский А.В., доктор исторических наук, профессор, директор научно-образовательного центра «Международные отношения и арктическая политика России»;

Соколова Ф.Х., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведения, международных отношений и политологии института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Соловьёва А.Н., доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Трошина Т.И., доктор исторических наук, профессор, доцент кафедры социальной работы и социальной безопасности института комплексной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Фесенко Э.Я., кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и истории литературы, заместитель директора по научной работе гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске;

Шапаров А.Е., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры социологии и политологии института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Щитицина Л.Ю., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой и французской филологии, заместитель директора института филологии и межкультурной коммуникации по научной работе и инновациям Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.